

БРИКС: о правовой природе и принципах сотрудничества¹

***Аннотация.** БРИКС — относительно новое явление в современной международной политической и экономической жизни, набирающее обороты и привлекающее к себе все большее внимание юристов. Центральными вопросами при этом выступают, во-первых, правовая природа самой группы пяти государств — Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР, а во-вторых, место, характер, содержание принципов, на которых основано международное сотрудничество данного образования. Соответственно этому указанные вопросы рассматриваются в статье через призму теоретического анализа с позиций международно-правовой науки, в рамках которого выявление правовой природы взаимодействия стран БРИКС служит не только предпосылкой, но и, в сущности, фундаментом для решения проблемы юридической квалификации принципов сотрудничества между ними, а следовательно, и ответа на вопрос о соотношении последних с иными принципами в системе международного права. В этих целях за основу в ходе исследования принято два альтернативных варианта: статус международной институции — в случае установления наличия у БРИКС признаков международной организации или интеграционного объединения; и признание в качестве параорганизации — в случае отсутствия таковых.*

***Ключевые слова:** БРИКС, принципы, основные принципы, *jus cogens*, отраслевые принципы, международное право, правовая природа, параорганизация, интеграционное объединение, международная межправительственная организация.*

DOI: 10.17803/1994-1471.2019.109.12.123-133

На фоне развертывания процессов глобализации и интеграции сближение ряда стран на основе общности и консолидации национальных интересов стало все более заметным. Речь идет прежде всего о Бразилии, России, Индии, Китае и ЮАР — государствах, образовавших новый формат международных отношений (БРИКС). Вследствие этого обозна-

чилась тенденция к полицентричности, постепенно обретающая черты устойчивости. Именно подъем Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР как растущих экономик вызвал в последнее десятилетие глубокую трансформацию международных отношений, мировой политики и права, приведшей к изменениям в векторах политического влияния, перераспределению

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-01060.

© Ануфриева Л. П., 2019

* Ануфриева Людмила Петровна, доктор юридических наук, профессор кафедры международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
lpanufrieva@msal.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

могущества и смещению точек силы в международной системе, что признается даже западными авторами².

Аналитики сосредотачивают внимание на внешнем и буквальном смысле упомянутого сотрудничества, которое являет пример так называемого трансконтинентального измерения, присутствующего во взаимодействии четырех континентов — Азии, Африки, Европы и Латинской Америки. Последнее представляет особую ценность и состоит в формировании современного многополярного мира, поскольку страны БРИКС, объединяясь, вместе отвечают на современные вызовы (территориальное расширение, демографическое развитие, экономическая состоятельность)³.

Доминирующим обстоятельством в характеристике БРИКС является формат сотрудничества для достижения экономических целей и задач партнеров, вследствие чего не случайно, что документы саммитов БРИКС концентрированно закрепляют данную направленность в содержании сотрудничества, требующую правового обеспечения. При этом экономические связи, охватывая самые разнообразные области, постоянно расширяют границы сотрудничества, которое ориентировано иногда на достижение весьма амбициозных целей. В частности, одной из общих для стран БРИКС задач является прогнозирование и внедрение изменений

в функционирование мировой экономической системы, место принципиальной составляющей в рамках которых занимает, как пишут иностранные авторы, реформирование структуры и управления Бреттон-Вудской системы финансовых учреждений⁴. Выделяется также совместное участие в разработках в современных, «инновационных» сферах, как, скажем, развитие новейших технологий и фундаментальных научных исследований. При этом несомненно, что интегральной частью всей системы правового регулирования взаимодействия стран БРИКС, в какой бы форме оно ни происходило, выступают принципы международного сотрудничества. В связи с этим значимым аспектом является вопрос о дифференциации и категориях принципов, применимых к взаимодействию в рамках сотрудничества и партнерства стран БРИКС.

Несмотря на участившееся отрицание не только на Западе, но и в России⁵ международного права в целом, равно как и его принципов, распространенным подходом отечественной правовой науки, касающимся юридических начал взаимного сотрудничества стран БРИКС, служит помещение их в рамки принципов международного права. В то же время это требует предметного анализа, в ходе которого необходимо вычленивать политико-правовое значение, роль и место принципов сотрудничества БРИКС

² См.: *Burke-White W. W. Power Shifts in International Law: Structural Realignment and Substantive Pluralism* // *Harvard International Law Journal*. Winter 2015. Vol. 56, Iss. 1. Pp. 1—79.

³ См.: *Каталано П. Главные цели и основания БРИКС: природа и история* // *Правовые аспекты БРИКС* / отв. ред. Т. А. Алексеева, П. Каталано. СПб., 2011. С. 15.

⁴ *Seyad Sideek. A Critical Overview of the Objectives and Future Direction of the BRICS and its New Development Bank* // *Journal of International Banking Law & Regulation*. 2016. Vol. 31. Iss. 9. Pp. 495—506.

⁵ Чего стоят в этом плане только «приговоры» ООН и международному праву Дж. Болтона в разные периоды его пребывания на посту помощника Президента США по национальной безопасности: «Нет никакой ООН...» (выступление в Нью-Йорке 3 февраля 1994 г.); «Большая ошибка — придавать какое-либо значение международному праву, даже если это может показаться соответствующим нашим краткосрочным интересам» (интервью американскому журналу *Insight* 2 августа 1999 г.) (см.: ТАСС: 10 сен., 19:05 — «Россия, международное право и демократия. Высказывания Джона Болтона» // URL: <https://tass.ru/info/6871534> (дата обращения: 22.09.2019)). Надо признать, что негативистские воззрения на международное право, хотя и в единичных случаях, все-таки присутствуют и у отечественных международников (см.: *Толстых В. Л. Международное право как мифология* // *Российский юридический журнал*. 2019. № 2 (125). С. 32—47; *Толстых В. Л. Пять уровней международно-правовой мифологии* // *Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу»*. 2019. № 3, 4).

в системе международного права и их соотношение с основными принципами Устава ООН.

Отдельной проблемой, в немалой степени обуславливающей адекватность результатов по решению многих задач и формулированию ряда ключевых квалификаций, выступает вопрос о правовой природе объединения пяти стран. Использование разнообразных формул: «группа», «альянс», «партнерство», «ассоциация», «клуб», «квазиорганизация», «параорганизация» и т.п. — воспринимается прежде всего как свидетельство отсутствия у них формально-юридических и организационно-правовых характеристик по сравнению с «традиционными» в действующем международном порядке международными организациями, демонстрирует указание на трактовку «усеченной» значимости в юридическом смысле таких «неорганизованных/неинституционализированных» лиц. Поскольку юридическая наука не располагает фундаментальными обоснованиями такого положения дел, налицо лакуна, которая, несомненно, должна быть устранена. В теоретическом плане ситуация усложняется тем, что, как справедливо отмечают специалисты, она напрямую связана с вопросом о возможностях самостоятельного выступления объединения государств в международных отношениях: определение международно-правовых последствий существенно не только для самих участников подобных объединений, но и для так называемого внешнего их контура, равно и для межгосударственной системы в целом⁶. Действительно, на настоящем этапе БРИКС не имеет четких правовых очертаний, причем утверждения относительно перспектив иного характера весьма осторожны и в отечественной литературе, и в трудах зарубежных ученых: «Поскольку БРИКС как объединение не располагает явно выраженным юридическим фундаментом... его превращение по мере развития в полноценный мощный международный политический институт...

пока слишком рано предсказывать»⁷. Вместе с тем с учетом сказанного ранее возможность, а, может быть, и настоятельность изменений в этом отношении вряд ли кем будет оспорена.

При исследовании процессов осуществления Россией взаимных связей с иностранными государствами на том или ином направлении, в той или иной сфере сотрудничества специалисты отмечают, что реализация подобных принципов «не должна быть изолирована от реализации международных принципов деятельности межгосударственных объединений, в которых Россия является участницей, в частности Шанхайской организации сотрудничества, БРИКС, а также общепризнанных принципов международного права»⁸. В целом, конечно же, общий вектор наблюдений верен: неразрывность всего комплекса международно-правового регулирования, о какой бы его части ни говорилось, в том числе и в рамках БРИКС, по отношению к основным принципам международного права очевидна. Однако акцент, думается, должен быть поставлен на ином: речь должна идти не столько о «принципах деятельности самих организаций», сколько о «принципах сотрудничества государств в этих объединениях». Это в корне меняет дело: важны не принципы «деятельности» какой-либо организации, действующей в соответствующей сфере (военной безопасности, экономике, науке, технике, здравоохранении, образовании, экологии, культуре и т.п.), а принципы взаимодействия государств друг с другом в рамках данного объединения, которые закладываются в его основу с самого начала. В этом плане принципы интеграционного взаимодействия в том или ином образовании существенно разнятся по сравнению с принципами координации сотрудничества в международных организациях «классического» типа, хотя понятно, что и те, и другие будут корнями уходить к принципам международного права. Однако первые будут служить проявлением

---

⁶ См.: БРИКС: контуры многополярного мира : монография / О. А. Акопян, Н. М. Бевеликова, К. М. Беликова [и др.] ; отв. ред. Т. Я. Хабриева. М. : ИЗИСП при Правительстве РФ, Юриспруденция, 2015. 300 с.

⁷ *Seyad Sideek*. Op. cit. P. 495.

⁸ См.: *Поветкина Н. А.* Финансовая устойчивость Российской Федерации. Правовая доктрина и практика обеспечения : монография / под ред. И. И. Кучерова. М. : ИЗИСП, Контракт, 2016. 344 с.

существа и содержательным воплощением вторых.

В связи с этим предметным выглядит ряд аспектов: уяснение сути явления «принципы международного права», оценка их соотношения с принципами сотрудничества стран БРИКС, а значит, и определение места последних в международно-правовой нормативной системе. Кроме того, небесполезно и выявление их потенциала в плане возможностей оказания воздействия на внутрисударственное право стран БРИКС, например на договорное (обязательственное) право. В свете этого исходным должен быть анализ понятия «принцип права» как общеправовой категории. В данном случае при обращении к ее генезису и трактовке уместно напомнить, что именитые мыслители далекого прошлого (Грациан, Фома Аквинский, Гуго Гроций) опирались на систему представлений о праве, отталкиваясь от естественно-правовой концепции его происхождения и функционирования: Грациан, учтя сопоставление «град Божий — град земной» в учении Аврелия Августина, в основу правовой системы заложил принцип-триаду, представляющую собой важную иерархическую последовательность: «божественное право — естественное право — положительное право людей», которая образует центральный, как следует из утверждений в зарубежной литературе, подход к основам представлений о западной правовой системе⁹.

Развернутые положения в обоснование «всеобщих справедливых правил поведения» впервые сформулированы Гуго Гроцием, который, базируясь на замечаниях Аристотеля, Сенеки и других при выведении всеобщих справедливых правил из естественного права¹⁰ (по существу, юридических принципов), выстраивал, однако, рациональную систему¹¹, т.е. «по-

ложительное право людей», — базирующуюся на небольшом числе принципов, заключающихся в утверждении справедливости, равенства — включая равенство в правах и неприемлемость неравенства (в том числе, к примеру, постулатов о «правлении с помощью права»), о том, что «право выше власти», выше воли властителя и стоит над любыми сословными различиями¹². В целом же в суждениях Гроция о праве «человеческое право» — это рациональное (explained); «Божественное право» — установленное (т.е. предписанное — stated)¹³. Концепция права как рациональной системы писанных правил, основанных на общих принципах, позволила Гуго Гроцию решить и вопрос о правилах регулирования международных отношений.

Современная система принципов международного права между тем демонстрирует наличие в ней и естественно-правовых корней, и «гена» юридического позитивизма. Действительно, невозможно отрицать в современных международно-правовых принципах уважения государственного суверенитета и суверенного равенства, равноправия народов и наций, неприменения силы и угрозы силой, невмешательства во внутренние дела и других значительной меры присутствия элементов «естества» правил поведения, а также усвоения «разумного подхода», что в соединении друг с другом образует «рациональную» конструкцию, оформленную «положительным правом».

Таким образом, гроцианская теория естественно-правового происхождения права и его принципов, в том числе и в применении к международному праву, коренным образом отличается от суждений некоторых сегодняшних международников, апеллирующих к Гуго Гроцию при попытках обосновать наличие естественно-пра-

⁹ Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования : пер. с англ. 2-е изд. М., 1998. С. 146—150.

¹⁰ См.: Берман Г. Дж. Указ. соч.

¹¹ См.: Фогельсон Ю. Б. Мягкое право в современном правовом дискурсе // Журнал российского права. 2013. № 5. С. 37—48.

¹² См.: Grotius H. On the Law of War and Peace. De Jure Belli ac Pacis. Book I. Chapter 1: On War and Right // URL: https://www.constitution.org/gro/djbp_101.txt (дата обращения: 1 ноября 2019 г.).

¹³ Grotius H. Указ. соч.

вой природы общепризнанных принципов международного права¹⁴.

В то же время невозможно отрицать, что принципы международного права, будучи отражением его коренных свойств, пронизывают всю систему норм отраслей и подотраслей, институтов и подынститутов в отдельных сферах, секторах и сегментах регулируемых общественных отношений. Не является исключением в этом смысле и сотрудничество стран БРИКС, регламентация связей между которыми подчиняется адекватной вышеуказанным общепринятым нормам совокупности принципов и норм, имеющих более узкий характер. Ведущей категорией принципов в международном праве выступают его основные принципы, т.е. руководящие, главенствующие нормы — «ядро» системы, которые определяют как сущность, так и дальнейшее развитие международного права как единого организма, т.е. системы. Здесь стоит заметить, что ранее в советской, а ныне в российской международно-правовой науке квалификация и термин «основные принципы международного права» используются весьма активно. Опорой служит Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций¹⁵, в которой перечисленные в Уставе ООН семь принципов как раз и определены в качестве «основных». Правда, нельзя упустить из вида, что в поименованном документе это обозначение присутствует лишь однажды, причем в самом конце и больше не встречается ни в одном международно-правовом акте универсального характера. Попутно стоит также подчеркнуть, что поскольку Декларация о принципах международного права лимитирована предме-

том своего рассмотрения, а именно принципами Устава ООН, то, казалось бы, аналогичные рамки закономерно должны соблюдаться и при использовании самой квалификации, которая выражена термином «основные принципы». В свете этого логичным выглядит вопрос о принадлежности к категории «основных» принципов международного права той их части, которая закреплена в Заключительном акте СБСЕ. Иными словами, насколько юридически точно можно квалифицировать и те принципы, что выходят за рамки Устава ООН, но перечислены совместно с «уставными» в Декларации принципов Заключительного акта СБСЕ в качестве «основных»? Ответ положительный, хотя и представляет собой вывод, полученный косвенным образом — путем системного подхода к толкованию предмета. В частности, если в Заключительном акте 1975 г. приведены 10 принципов, 7 из которых являются хронологически предшествующими и квалифицируются как основные, то и 3 последующие, не только продолжая перечень, но и образуя прежде всего единство системы принципов, должны быть также отнесены к основным и, следовательно, в свою очередь, могут именоваться «основными».

Проблема принципов международного права, особенно основных принципов, уравниваемых нередко с понятием *jus cogens* (императивное предпочтение нормы — *peremptory norms of general international law*), с большим предпочтением используемым западной доктриной, является, пожалуй, пробелом в международно-правовой теории, вследствие чего крайне настоятельной выглядит фундаментальная ее научная разработка. Кроме того, речь идет о том, что наряду с основными принципами международного права (иногда именуемыми

---

¹⁴ См., например: *Нешатаева Т. Н.* Суд и общепризнанные принципы и нормы международного права // Вестник ВАС РФ. 2004. № 3.

Критику высказанных в приведенной статье положений см.: *Ануфриева Л. П.* Конституция РФ и международное право: теоретический взгляд на понятие «общепризнанные принципы и нормы международного права», или «О принципах права вообще и о принципах в международном праве» // *Lex russica*. 2018. № 11 (144). С. 128—130.

¹⁵ Принята 24.10.1970 Резолюцией 2625 (XXV) на 1883-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН (см.: *Doc. A/RES/2625(XXV)* // СПС «КонсультантПлюс». Adopted by the UN General Assembly dt. October 24, 1970. See, Res. 2625 (XXV) (*Doc. A/RES/2625(XXV)*)).

также и «общепризнанными», что, в свою очередь, олицетворяет существование еще одной лакуны в юридической науке), которые являются принадлежностью всей данной системы, имеет место действие и специальных международно-правовых принципов, выступающих также в качестве центральных правил поведения в конкретных отраслях, — отраслевых принципов. В дополнение к этому заметим, что отдельные международные организации, интеграционные образования функционируют на основе закрепленных в их учредительных или иных актах положений, также обладающих внутри себя ключевым — «руководящим» — характером. Здесь важным фактором выступает указывавшееся ранее безусловное обстоятельство, что Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР в совокупности не образуют юридически оформленного объединения — международной организации в собственном смысле слова¹⁶, наряду с прочими встречающимися ассоциациями, объединениями, форумами неформального характера (например, G7, G8, G20 и т.д.¹⁷). Иногда в публикациях встречаются загадочные положения в отношении правового статуса БРИКС: это «группа стран, которая не обладает всеми признаками международной организации, в частности у нее нет постоянных органов и автономности. Она может быть квалифицирована как межгосу-

дарственная институциональная структура сотрудничества, т.е. как постоянная структура, не достигающая уровня международной межправительственной организации»¹⁸. В связи с этим закономерен ряд вытекающих из сказанного вопросов: 1) что же это за «постоянная структура», особенно если она является, следуя определению самого автора, «межгосударственной институциональной» структурой, но не может быть отнесена к международной межправительственной организации; 2) есть ли у подобной структуры аналоги в международно-правовом плане; 3) если БРИКС как группа государств «обзаведется» органами и «автономностью», это обеспечит ей качество международной организации; 4) и наконец, что подразумевается под «уровнем международной межправительственной организации» в категориях международного права? Какие, кроме этого, имеются «уровни» в международно-правовых отношениях? Не углубляясь в проблему формулирования ответов на поставленные вопросы, все же сто́ит констатировать, что в сегодняшней реальности БРИКС действительно не отвечает критериям институционализации (международной организации): не имеет учредительного договора, регулируемого нормами международного права, который содержал бы цели и задачи объединения, средства их достижения, а также принципы, опреде-

¹⁶ Точка зрения об отсутствии у БРИКС элементов институционализации и, следовательно, статуса межгосударственной (межправительственной) организации нередко встречается в российской юридической литературе. Она представляется в существенной мере оправданной (см. в этой связи: *Капустин А. Я.* Международно-правовые принципы деятельности БРИКС // БРИКС: контуры многополярного мира : монография ; *Anufrieva L.* The Impact of the International Law Principles related to Co-operation between BRICS Countries on Development of Contract Law // The International Conference on Comparative Contract Law & Codification of Chinese Civil Code, and the Second Academic Forum on China-Russia Legal Cooperation». Collected Papers: Southwest University, China International Economic and Trade Law Association, Southwest University of Political Science & Law. Chongqing, 2018. Pp. 323—327). Есть в науке также мнение, что даже в отдаленной перспективе БРИКС не обретет статуса международной организации (см.: *Хейфец Б. А.* Россия и БРИКС: новые возможности для взаимных инвестиций : монография. М. : Дашков и Ко., 2014. С. 196).

¹⁷ В противовес сказанному отнюдь не единичными являются позиции, причисляющие БРИКС к интеграционным объединениям, в связи с чем нужно согласиться с авторами, которые придерживаются реалистичных взглядов в случаях, когда интеграционный тип образования несомненно отсутствует, и указывают: «Наметилась тенденция беспорядочного употребления термина “интеграция” по отношению к любым формам сближения государств» (см.: *Балакин В. И.* Европейский опыт региональной интеграции для Восточной Азии // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 4. С. 117—127).

¹⁸ См.: *Шинкарецкая Г. Г.* О правовом статусе БРИКС // Современное право. 2015. № 10. С. 140.

ляющие деятельность создаваемой институции; нет организационной структуры, т.е. органов, обеспечивающих рассматриваемому образованию выступление вовне (персонификацию); не обладает волей, относительно обособленной от воли государств-членов, необходимой для функционирования в качестве международной организации. Вследствие этого не имеется и качества международной правосубъектности, для которого основными элементами являются участие в межгосударственных отношениях и создании норм международного права, наличие договорной правоспособности (т.е. способности заключать международные договоры), способность приобретать в силу международно-правовых норм права и обязанности, нести международно-правовую ответственность. В свете этого, не будучи субъектом международного права, БРИКС, однако, активно развивает международные связи как внутри себя, так и создавая новые субъекты международного права, примерами чего служат Новый банк развития БРИКС, а также Пул условных валютных резервов.

При этом исходя из существующего статуса рассматриваемой группы стран и юридических оценок статуса БРИКС сотрудничество участвующих в нем государств не может обойтись без определенного правового фундамента, в качестве которого и выступает свод принципов, согласованных и сформулированных совместно государствами, регулируемыми взаимные их связи.

Связанный с этим аспект, охватывая характер, классификацию, перечень и юридическое содержание таких принципов, их соотношение с принципами общего международного права, представляет собой серьезную теоретическую проблему в современном правоведении. Между тем несомненно, что, будучи неотъемлемой частью глобального межгосударственного экономического взаимодействия, сотрудничество в экономической сфере стран БРИКС базируется на основных принципах международного права, а также на отраслевых (специальных) принципах международного экономического права (МЭП). Из этого вытекает, что, будучи отраслевыми принципами, они распространяют свое действие и на взаимные связи БРИКС, причем не только

между собой, но и на их отношения с третьими государствами. Принципы МЭП в рамках экономической сферы обладают универсальностью. По сравнению с ними принципы сотрудничества, признанные либо выработанные собственно БРИКС для отношений друг с другом, подобным качеством универсальности характеризоваться не могут, если только речь не идет об их восхождении к основополагающим (основным, или «общепризнанным») принципам международного права как всеобщим императивным нормам.

Основные принципы международного права, и прежде всего принципы, закрепленные в Уставе ООН, в отечественной теории устойчиво квалифицируются как главные, руководящие нормы, применимые ко всей системе международного права. Они охраняют общечеловеческие ценности, обладают нормативностью, общепризнанностью, императивностью, принадлежностью к общему международному праву, невозможностью быть измененными простым соглашением сторон.

Перечень и содержание иных разрядов руководящих норм в качестве принципов (отраслевых, специальных или конкретных, предназначенных для отдельных областей сотрудничества) могут различаться, и дифференцируются они в зависимости от их видовой принадлежности, обуславливающей юридическую значимость и иерархическую силу, однако непременным условием юридической действительности для них служит удовлетворение требованию о соответствии основным (системным) принципам международного права. Так, принципы торгово-экономического, научно-технического, технологического и инновационного сотрудничества в рамках БРИКС текстуально отличаются от формул принципов Устава ООН, именуемых в литературе по международному праву «основными принципами». Тем не менее это отнюдь не означает, что принципы сотрудничества БРИКС отступают или тем более идут вразрез с существом принципов Устава ООН.

Отстаивая тезисы о существовании «базовых опор» в международной системе и международном праве в виде основных принципов — суверенитета государств, уважения их суверенного равенства и равноправия, соблюдения взятых на

себя обязательств и др., важно проследить предпосылки формирования, механизмы развития и ускорения в том, что касается концентрированной разработки собственной принципиальной основы сотрудничества государств-участников. В частности, достигнутые ныне результаты опираются на прохождение определенных вех: так, формулирование задачи по реализации «целенаправленных и согласованных усилий по наращиванию динамики всестороннего и многоуровневого сотрудничества» обусловило потребность в принципе развития и многосторонности; цель установления более справедливого, равноправного, честного, демократического и представительного международного политического и экономического порядка, заданная на предыдущих саммитах и этапах сотрудничества, привела к недвусмысленному постулированию принципов *честности и справедливости в целях обеспечения мира и стабильности на международном и региональном уровне, взаимного уважения и взаимопонимания, равенства, солидарности, открытости, инклюзивности и взаимовыгодного сотрудничества, учета интересов, уважения права каждого государства на выбор путей развития* (п. 3 Сямэньской декларации от 4 сентября 2017 г.). Общность целей и характер отношений между странами БРИКС предопределили такие правовые начала, заложенные в фундамент сотрудничества, как «справедливый и равноправный международный порядок при центральной роли Организации Объединенных Наций на основе целей и принципов, закрепленных в Уставе Организации Объединенных Наций, и соблюдения норм международного права... приверженность принципам демократии и верховенства права в международных отношениях» (пп. 5—6 Йоханнесбургской декларации от 26 июля 2018 г.).

Приведенное ясно свидетельствует о том, что присутствующие в документах формулы еще не выступают юридически законченными правилами, способными лечь в основу определения правомерности либо неправомерности поведения государств БРИКС как субъектов международного права и инициировать процедуры международной ответственности. В значительной своей части они скорее «декла-

рации» — пожелания, устремления, целеполагание, нежели юридические нормы в строгом смысле слова, хотя в определенной мере в них присутствует и требуемая общеобязательность, и нормативность (уважение суверенного равенства и равноправия). Думается, за некоторыми исключениями, продемонстрированными выше, они занимают пока промежуточное положение между правом в собственном смысле и «мягким» правом. В такой промежуточности, как представляется, заключается проявление сочетания применительно к принципам сотрудничества БРИКС естественно-правовых и позитивистско-правовых начал, на что указывалось ранее. В то же время нельзя отказывать положениям подобного рода в перспективе обрести качество принципов международного сотрудничества данного неформального объединения как непосредственно юридических норм. Равным образом сказанное не означает отрицания наличия в фундаменте нынешних основ сотрудничества между странами БРИКС юридически обязательных норм международного права, которые получили свою обязательность не за счет перечисления их в декларациях саммитов или иных совместных документах государств, а в результате того, что они уже закреплены в актах международного права, имеющих универсальный, общепризнанный и, следовательно, юридически обязывающий характер. В частности, принципы равноправия, взаимной выгоды, взаимности, самостоятельности в определении форм участия в сотрудничестве с другими государствами, а также координации, интеграции и партнерства представляют собой преломление в принципах сотрудничества БРИКС специальных (отраслевых) принципов международного экономического права, помимо основных принципов, объективированных в источниках международного права. В то же время как первые, так и вторые удовлетворяют главному критерию действительности правовой базы взаимодействия — требованию соответствия императивным нормам, опосредующим основные принципы современного международного права, которые зафиксированы в Уставе ООН, Декларации о принципах международного права, Заключительном акте СБСЕ.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Ануфриева Л. П. Конституция РФ и международное право: теоретический взгляд на понятие «общепризнанные принципы и нормы международного права», или О принципах права вообще и о принципах в международном праве // *Lex russica*. — 2018. — № 11 (144). — С. 122—133.
2. Балакин В. И. Европейский опыт региональной интеграции для Восточной Азии // *Проблемы Дальнего Востока*. — 2012. — № 4. — С. 117—127.
3. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования : пер. с англ. — 2-е изд. — М. : Норма, Инфра-М, 1998. — 624 с.
4. БРИКС: контуры многополярного мира : монография / О. А. Акопян, Н. М. Бевеликова, К. М. Беликова [и др.] ; отв. ред. Т. Я. Хабриева. — М. : ИЗИСП при Правительстве РФ, Юриспруденция, 2015. — 300 с.
5. Каталано П. Главные цели и основания БРИКС: природа и история // *Правовые аспекты БРИКС* / отв. ред. Т. А. Алексеева, П. Каталано. — СПб., 2011. — С. 13—17.
6. Нешатаева Т. Н. Суд и общепризнанные принципы и нормы международного права // *Вестник ВАС РФ*. — 2004. — № 3. — С. 124—140.
7. Поветкина Н. А. Финансовая устойчивость Российской Федерации. Правовая доктрина и практика обеспечения : монография / под ред. И. И. Кучерова. — М. : ИЗИСП, Контракт, 2016. — 344 с.
8. Толстых В. Л. Пять уровней международно-правовой мифологии // *Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу»*. — 2019. — № 3, 4.
9. Фогельсон Ю. Б. Мягкое право в современном правовом дискурсе // *Журнал российского права*. — 2013. — № 5. — С. 37—48.
10. Хейфец Б. А. Россия и БРИКС: новые возможности для взаимных инвестиций : монография. — М. : Дашков и Ко., 2014. — 220 с.
11. Шинкарецкая Г. Г. О правовом статусе БРИКС // *Современное право*. — 2015. — № 10. — С. 140—145.
12. Anufrieva L. The Impact of the International Law Principles related to Co-operation between BRICS Countries on Development of Contract Law // *The International Conference on Comparative Contract Law & Codification of Chinese Civil Code, and the Second Academic Forum on China-Russia Legal Cooperation*. Collected Papers: Southwest University, China International Economic and Trade Law Association, Southwest University of Political Science & Law. — Chongqing, 2018. — Pp. 323—327.
13. Burke-White W. W. Power Shifts in International Law: Structural Realignment and Substantive Pluralism // *Harvard International Law Journal*. — 2015. — Vol. 56, Iss. 1. — Pp. 1—79.
14. Grotius H. On the Law of War and Peace. De Jure Belli ac Pacis. Book I. Chapter 1: On War and Right // URL: https://www.constitution.org/gro/djbp_101.txt.
15. Seyad Sideek. A Critical Overview of the Objectives and Future Direction of the BRICS and its New Development Bank // *Journal of International Banking Law & Regulation*. — 2016. — Vol. 31. — Iss. 9. — Pp. 495—506.

Материал поступил в редакцию 1 ноября 2019 г.

BRICS: LEGAL NATURE AND PRINCIPLES OF COOPERATION¹⁹

Lyudmila P. Anufrieva, Dr. of Sci. (Law), Professor of the Department of International Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
lpanufrieva@msal.ru
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993

Abstract. BRICS is a relatively new phenomenon in modern international political and economic life, gaining momentum and attracting more and more lawyers' attention. The central issues in this case are, firstly, the legal nature of the group of five states itself — Brazil, Russia, India, China and South Africa, and secondly, the place, nature, content of the principles on which international cooperation of this entity is based. Accordingly, the paper considers these issues through the prism of theoretical analysis from the standpoint of international legal science, in which the identification of the legal nature of the interaction of the BRICS countries is not only a prerequisite, but also, in essence, the foundation for solving the problem of legal qualification of the principles of cooperation between them. Thus, it answers the question on the relationship of the latter with other principles in the system of international law. For this purpose, the study adopts two alternative options: the status of an international institution if it is established that BRICS has features of an international organization or integration association; and its recognition as a paraorganization if none of such features exist.

Keywords: BRICS, principles, basic principles, jus cogens, industry principles, international law, legal nature, paraorganization, integration association, international intergovernmental organization.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Anufrieva L. P. Konstituciya RF i mezhdunarodnoe pravo: teoreticheskij vzglyad na ponyatie «obshchepriznannye principy i normy mezhdunarodnogo prava», ili O principah prava voobshche i o principah v mezhdunarodnom prave // Lex russica. — 2018. — № 11 (144). — С. 122—133.
2. Balakin V. I. Evropejskij opyt regional'noj integracii dlya Vostochnoj Azii // Problemy Dal'nego Vostoka. — 2012. — № 4. — С. 117—127.
3. Berman G. Dzh. Zapadnaya tradiciya prava: epoha formirovaniya : per. s angl. — 2-e izd. — M. : Norma, Infra-M, 1998. — 624 s.
4. BRIKS: kontury mnogopolyarnogo mira : monografiya / O. A. Akopyan, N. M. Bevelikova, K. M. Belikova [i dr.] ; otv. red. T. Ya. Habrieva. — M. : IZiSP pri Pravitel'stve RF, Yurisprudenciya, 2015. — 300 s.
5. Katalano P. Glavnye celi i osnovaniya BRIKS: priroda istoriya // Pravovye aspekty BRIKS / otv. red. T. A. Alekseeva, P. Katalano. — SPb., 2011. — С. 13—17.
6. Neshataeva T. N. Sud i obshchepriznannye principy i normy mezhdunarodnogo prava // Vestnik VAS RF. — 2004. — № 3. — С. 124—140.
7. Povetkina N. A. Finansovaya ustojchivost' Rossijskoj Federacii. Pravovaya doktrina i praktika obespecheniya : monografiya / pod red. I. I. Kucherova. — M. : IZiSP, Kontrakt, 2016. — 344 s.
8. Tolstyh V. L. Pyat' urovnej mezhdunarodno-pravovoj mifologii // Elektronnoe prilozhenie k «Rossijskomu yuridicheskomu zhurnalu». — 2019. — № 3, 4.
9. Fogel'son Yu. B. Myagkoe pravo v sovremennom pravovom diskurse // Zhurnal rossijskogo prava. — 2013. — № 5. — С. 37—48.

¹⁹ This paper was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research in the framework of research project No. 18-011-01060.

10. Hejfec B. A. Rossiya i BRIKS: novye vozmozhnosti dlya vzaimnyh investicij : monografiya. — M. : Dashkov i Ko., 2014. — 220 s.
11. Shinkareckaya G. G. O pravovom statute BRIKS // *Sovremennoe pravo*. — 2015. — № 10. — S. 140—145.
12. Anufrieva L. The Impact of the International Law Principles related to Co-operation between BRICS Countries on Development of Contract Law // *The International Conference on Comparative Contract Law & Codification of Chinese Civil Code, and the Second Academic Forum on China-Russia Legal Cooperation*. Collected Papers: Southwest University, China International Economic and Trade Law Association, Southwest University of Political Science & Law. — Chongqing, 2018. — Pp. 323—327.
13. Burke-White W. W. Power Shifts in International Law: Structural Realignment and Substantive Pluralism // *Harvard International Law Journal*. — 2015. — Vol. 56, Iss. 1. — Pp. 1—79.
14. Grotius H. On the Law of War and Peace. De Jure Belli ac Pacis. Book I. Chapter 1: On War and Right // URL: https://www.constitution.org/gro/djbp_101.txt.
15. Seyad Sideek. A Critical Overview of the Objectives and Future Direction of the BRICS and its New Development Bank // *Journal of International Banking Law & Regulation*. — 2016. — Vol. 31. — Iss. 9. — Pp. 495—506.